

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИИ

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-6-15

Татьяна Дмитриевна МАТВЕЕВА

Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Проспект Вернадского, 84-6, Москва, 119571, Российская Федерация

academia20082008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0809-5214

ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ

ВВЕДЕНИЕ. Исследование концептуальных основ принципа территориальной целостности государств с учетом возможных коллизий данного принципа с равноценным по своей правовой силе принципом права народа на самоопределение актуально, особенно в контексте современных международных отношений. Вместе с тем обоснование необходимости уважения территориальной целостности государств в процессе решения территориальных споров мы находим и в трудах представителей науки международного права прошлых веков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. На примере деятельности, прежде всего, ООН в статье показана эффективность обращения универсальных и региональных судебных и несудебных органов к принципу территориальной целостности в процессе урегулирования территориальных споров, возникающих в ходе реализации права народов на самоопределение. Специальными материалами исследования послужили решения Совета

Безопасности ООН по территориальным спорам, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по территориальным спорам, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 г., Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. и доктринальные толкования этих документов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. По итогам проведенного анализа автор отмечает, что отсутствие в международном праве достаточно четкого правового определения принципа территориальной целостности и его взаимозависимости с правом народов на самоопределение ведет к двойным стандартам в оценке современных угроз международной стабильности и безопасности.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Автором обоснована необходимость прогрессивного разви-

тия и кодификации норм международного права, нацеленных на адаптацию к современным реалиям и принципа территориальной целостности, и принципа права народов на самоопределение, с тем чтобы усилить возможности их равноценного действия как источников международного права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип территориальной целостности, право народов на самоопределение, сецессия, плебисцит, территориальные споры, решения Совета Безопасности ООН по территориальным спорам, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по территориальным спорам, Декларация о принципах междуна-

родного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 г., Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матвеева Т.Д. 2018. Принцип территориальной целостности в международно-правовом инструментарии мирного разрешения территориальных споров. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6–15.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-6-15

INTERNATIONAL LEGAL ISSUES OF TERRITORY

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-6-15

Tatiana D. MATVEEVA

Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

84-6, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571

academia20082008@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0809-5214

THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY IN THE CONTEXT OF TERRITORIAL DISPUTES RESOLUTION

INTRODUCTION. *The research of the conceptual foundations of the principle of territorial integrity of states, taking into account possible conflicts of this principle with the principle of the right of people to self-determination equivalent in their legal force, is actual, especially in the context of contemporary international relations. At the same time, the justification of the need to respect the territorial integrity of states in the process of settling territorial disputes is also demonstrated in the works of the early representatives of international legal doctrine.*

MATERIALS AND METHODS. *On the example of the activities, first of all, of the UN the article shows the effectiveness of the appeal of universal and regional judicial and non-judicial bodies to the principle of territorial integrity in the process of settling territorial disputes arising in the course of realizing the right of peoples to self-determination. The special materials for the research were the decisions of the UN Security Council on territorial disputes, the resolutions of the UN General Assembly on territorial disputes, the Declaration on the Principles of In-*

ternational Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations of 1970, the Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples of 1960 and doctrinal interpretations of these documents.

RESEARCH RESULTS. *Based on the results of the analysis, the author notes that the absence in international law of a sufficiently clear legal definition of the principle of territorial integrity and its interdependence with the right of peoples to self-determination leads to double standards in assessing contemporary threats to international stability and security.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author emphasized the necessity of progressive development and codification of the norms of international law, aimed at adapting to contemporary realities and the principle of territorial integrity, and the principle of the right of peoples to self-determination,*

so as to enhance the opportunities for their equivalent action as sources of international law.

KEYWORDS: *the principle of territorial integrity, the right of peoples to self-determination, secession, plebiscite, territorial disputes, decisions of the UN Security Council on territorial disputes, UN General Assembly resolutions on territorial disputes, Declaration on the principles of international law concerning friendly relations and cooperation between states in accordance with the Charter of the Organization United Nations of 1970, Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples of 1960*

FOR CITATION: Matveeva T.D. The Principle of Territorial Integrity in the Context of Territorial Disputes Resolution. – *Moscow Journal of International Law*. 2018. No. 1. P. 6–15.

DOI: 10.24833/0869-0049-2018-1-6-15

Еще на заре формирования международного права как самостоятельной правовой системы, призванной избавить населяющие планету Земля народы от бедствий войны, утвердить справедливость и веру в права человека, его мудрые исследователи, творцы науки международного права предвидели, что одним из главных препятствий на пути реализации этих целей будут *территориальные споры*, которые, чтобы избежать вооруженных конфликтов, следует решать *исключительно правовыми средствами*. Выдающийся голландский юрист Гуго Гроций (1583–1645), которого справедливо признают одним из основателей науки международного права, предупреждал, что *территориальные споры, не урегулированные «правом народов», впоследствии могут обернуться серьезными проблемами, в частности международной напряженностью вплоть до образования, выражаясь современным языком, «замороженных конфликтов» или «горячих точек»*. В пролегоменах (др.-греч. *προλεγόμενα* – «предисловие», «введение») к своему знаменитому трактату «О праве войны и мира» Г. Гроций писал: «...Подобно тому, как гражданин, нарушающий внутригосударственное право ради своей ближайшей выгоды, тем самым подрывает основу собственного своего благополучия и благополучия своего потомства, так

точно и народ, нарушающий... право народов, навсегда подрывает основу своего собственного спокойствия в будущем» [Гроций 1994:48–49]. Показательно, что Г. Гроций, предлагая возможные мирные способы решения территориальных споров, отдавал предпочтение принципу *территориальной целостности*, что подтверждается его рассуждениями о проблемах, возникающих при определении правового статуса фарватера реки и речных островов, т.е. о вопросах, которые и сегодня болезненно решаются при заключении договоров, касающихся делимитации водных границ.

Один из авторов европейской концепции вечного мира, французский аббат Шарль-Ирине де Сен-Пьер (1658–1743), среди принципов, на основании которых возможно урегулирование территориальных споров, называл *гарантию государствам их территориальных владений, отказ от jus ad bellum – права на войну*, считавшегося в тот период исконным правом государства и использовавшегося в том числе для решения территориальных проблем. Именно такими принципами, как считал мыслитель, должны руководствоваться арбитражи и международные судебные трибуналы, участвующие в урегулировании территориальных споров [Abbé de Saint-Pierre 1787].

Обоснование необходимости уважения территориальной целостности государств в процессе решения территориальных споров мы находим и в произведениях ученых XX в., например в трудах английского юриста-международника Яна Броунли. В качестве *эффективного механизма* их урегулирования Броунли предложил такой способ территориальных изменений, как *кондоминиум*, посредством которого два или несколько государств осуществляют на основе договора *совместное управление одной и той же территорией* [Броунли 1977:186]. Разумность этого способа, как известно, неоднократно подтверждалась в практике международных отношений.

Впрочем, договорно-правовое закрепление в международном праве *принципа территориальной целостности государств* получил именно в Уставе ООН. Этот документ обязывает страны *разрешать свои международные споры мирными средствами, воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности, так и против политической независимости любого государства*¹. Данный принцип был уточнен в принятой в 1970 г. Генеральной Ассамблеей ООН *Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН* (далее – Декларация о принципах международного права)², в которой подтверждалась обязанность стран *воздерживаться от любых действий, направленных против территориальной целостности другого государства*. Принципиально важно обратить внимание на содержащееся в Декларации указание на то, что *принцип территориальной целостности и все другие принципы международного права должны трактоваться как взаимосвязанные*. То есть принцип территориальной целостности следует толковать в контексте всех других принципов, в частности права народов на самоопределение.

Со сложностями, связанными с «совмещением» этих двух принципов, противоречие между которыми со всей очевидностью проявилось в

период деколонизации, столкнулись главные органы ООН, прежде всего Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея и Международный суд, непосредственно вовлеченные в разрешение возникающих в процессе обретения независимости народов территориальных споров.

Исследование многолетней практики ООН в этой сфере показывает, что именно под эгидой этой организации был выработан бесценный, не утративший и сегодня актуальность и значимость, эффективный инструмент разрешения возникающих в процессе реализации права народа на самоопределение территориальных споров. Особую ценность представляют те правовые позиции, в которых содержатся достойные применения способы обращения к имеющим равную юридическую силу нормам *jus cogens* – праву народа на самоопределение и принципу территориальной целостности. При принятии решений по поводу переданных на разрешение споров они рассматриваются как равноценные источники. Принятые в годы деколонизации решения по вопросам признания или непризнания новых государств, нередко образованных на территориях уже существовавших, в полной мере соответствовали положениям *Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам*³ 1960 г., которая была направлена, прежде всего, на поддержку национально-освободительных движений. Следовательно, *принцип территориальной целостности применялся в первую очередь с учетом интересов не территорий колонизаторов, а подопечных и самоуправляющихся территорий, получивших независимость народов, передача которых, согласно Декларации, должна была осуществляться без каких бы то ни было условий или оговорок*.

Вместе с тем, допуская *сецессию* – отделение определенной территории от «материнского государства» во имя создания собственной государственности, международное право определяет, что эта возможность должна предоставляться *избирательно и ограничиваться многими аспектами*. Принципиальным условием являлась недопустимость использования права на самоопре-

¹ Устав Организации Объединенных Наций. Ст. 2, п. 3 и 4. Доступ: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 15.01.2018).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 15.01.2018).

³ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята Резолюцией ГА ООН от 14 декабря 1960 г. № 1514 (XV). Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 15.01.2018).

деление в качестве динамита, закладываемого под территориальную целостность государств. В частности, как международные, так и национальные судебные органы неоднократно обращались к закреплённой в Декларации о принципах международного права «предохранительной клаузуле» (*Saving Clause*), направленной на недопустимость *незаконных сепаратистских образований*, к которой нередко обращались и национальные суды. Одним из примеров обращения к «предохранительной клаузуле» служит принятое в 1998 г. решение Верховного суда Канады, которое касалось сепарации Квебека. В данном решении высшая судебная инстанция Канады постановила, что «государства, чьи правительства представляют весь народ в пределах их территории на основе равенства и без дискриминации и уважают принципы самоопределения по своим внутренним установлениям, правомочны защищать свою территориальную целостность по международному праву»⁴.

В целях обеспечения контроля за недопустимостью *радикализации форм и способов самоопределения* был создан Специальный комитет ООН, на который была возложена обязанность определять случаи незаконности операций по обретению независимости. На основании полученных от Комитета данных были выработаны *критерии непризнания самопровозглашенного государства*, к которым относились, например, расистский характер политики властей, возглавлявших борьбу за независимость; незаконное применение силы либо иные нарушения норм общего международного права; образование нового государства в результате вооружённой интервенции другого государства. Есть немало оснований считать, что именно эта деятельность ООН серьёзно повлияла на развитие *института признания*, в частности толкования взаимодействия принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности в процессе становления новых государств [Курдюков 2008:67; Игнатенко 1966]. Представляется, что этот опыт полезен и сегодня, когда коллизии этих принципов обострилась в связи с качественными изменениями характера реализации права на самоопределение. В большинстве случаев речь идет не о *праве на самоопределение*, а о

праве на отделение, а точнее, об удовлетворении сепаратистских амбиций отдельных групп населения, чаще всего тех, кто считает невозможным проживание совместно с другими гражданами в составе государства, в котором они находились и развивались порой на протяжении длительного исторического периода. Самопровозглашенные на территории «материнских государств» разного рода образования неизбежно вступают в конфликт с центральной властью, которая, как правило, объявляет данные претензии противоправными, поскольку они подрывают устои самого государства, наносят ущерб «личности государства», лишая его основного атрибута суверенности – *территориального верховенства*. Немало случаев, когда ситуация обостряется в результате поддержки сепаратистских властей другим государством или группой государств не только при помощи *регулярных вооружённых сил*, но и путем *засылки на его территорию вооружённых банд или наемников*. Такие действия иностранного государства, осужденные в принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г. *резолюции № 3314 (XXIX) «Определение агрессии»*⁵, дают право титульному государству принимать любые меры для защиты своей территориальной целостности. По всей вероятности, именно на этом основании ООН не осудила вооружённое подавление Россией бандитских формирований сепаратистов на территории провозглашенного ими в июле 1991 г. (в государственных границах Российской Федерации) нового образования – Чеченской Республики Ичкерия, которая как бандитское квазигосударственное образование была фактически ликвидирована в 2000 г.

Не утруждая себя выявлением принципиального различия между этой ситуацией и конфликтом Грузии с Абхазией и с Южной Осетией, большинство государств – членов Генеральной Ассамблеи ООН руководствовались, как представляется, сугубо формально таким же подходом при принятии резолюций ГА ООН от 15 октября 2007 г. № 1781 (2007) и от 15 апреля 2008 г. № 1808 (2008), в которых подтверждаются *суверенитет, независимость и территориальная целостность Грузии* в пределах ее международно-признанных границ, а также Резолюции ГА ООН от 13 июня 2013 г. №67/268, зафиксиро-

⁴ Judgment of the Supreme Court of Canada Concerning Certain Questions Relating to the Secession of Quebec from Canada. 1998. § 130. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/1643/index.do> (accessed date: 10.04.2018).

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) «Определение агрессии». Принята 14 декабря 1974 г. на 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Доступ: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 15.01.2018).

вавшей непризнание Абхазии и Южной Осетии как независимых государств⁶.

Сугубо формальное (без целостного учета всех относящихся к делу обстоятельств и их правовой оценки, при игнорировании самого факта государственного переворота в Киеве в 2014 г.⁷) подтверждение приоритета принципа территориальной целостности мы находим и в принятой 27 марта 2014 г. Резолюции ГА ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины. В этом документе *подтверждаются суверенитет и территориальная целостность Украины в ее международно-признанных границах и не признается правомерность какого бы то ни было изменения статусов Автономной Республики Крым и г. Севастополя*⁸.

Международный суд ООН в своих решениях, напротив, последовательно отстаивает *приоритет принципа права народов на самоопределение*, порой не придавая приоритетного значения способам достижения независимости. В принятом 30 июня 1995 г. Решении по делу, касавшемуся Восточного Тимора (Португалия против Австралии), данное право признано одним из основополагающих принципов, *который имеет характер erga omnes и является безупречным*⁹.

Резонансный характер обрело подготовленное по запросу Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии со ст. 65 Устава ООН *Консультативное заключение Международного суда по Косову*¹⁰. Суд, отвечая на вопрос, соответствует ли принятая в одностороннем порядке декларация независимости со стороны временных органов самоуправления Косово международному праву, высказал мнение, что вопросы отделения от государства (remedial secession) в ситуациях, подобных положению Косово, следует рассматривать в рамках конституционного, а не международного права. При этом имелось в виду право, установленное самопровозглашенными властями. Тем самым Суд игнорировал ключевые по-

зиции, сформулированные Советом Безопасности ООН в Резолюции от 10 июня 1999 г. № 1244 (1999) (далее – Резолюция № 1244)¹¹, уже в преамбуле которой подчеркивается необходимость соблюдения в отношении Югославии *принципа территориальной целостности*. Согласно международному праву его обязаны уважать не только государства – члены ООН, но и разные группы частных лиц, таких как повстанцы или даже отдельные индивиды. Одновременно Суд одобрил осуществленное самопровозглашенными властями ограничение полномочий Специального представителя Генерального секретаря ООН, предоставленных ему Советом Безопасности ООН, лишь надзорными функциями, при том, что одна из основных задач Специального представителя состояла как раз в обеспечении соблюдения Резолюции № 1244 «временными институтами», созданными в Косово. Отсюда можно сделать вывод, что, давая противоречащую международному праву оценку праву народов на самоопределение, по сути, выведя его из сферы международно-правового регулирования, Суд в данном Консультативном заключении показал свою неспособность действовать как главный судебный орган Организации Объединенных Наций, призванный содействовать реализации ее целей. Кроме того, хотя Консультативное заключение не носит обязательного характера, подготовивший его Международный суд ООН, являющийся главным судебным органом ООН и, следовательно, ответственный за толкование и применение норм международного права, не мог не учитывать юридические и политические последствия выраженной в этом решении позиции по отношению к важнейшему вопросу соотношения принципов права народа на самоопределение и территориальной целостности государств. Международные эксперты оценивают последствия Консультативного заключения как создание опасного прецедента, так как изложенная в

⁶ ГА ООН приняла новую Резолюцию по Абхазии и Южной Осетии. Доступ: <https://ria.ru/world/20130613/943220578.html> (дата обращения: 10.04.2018).

⁷ О международно-правовой оценке силовой замены (при руководстве Посольства США) конституционно-избранного президента Украины В.Ф. Януковича «исполняющим обязанности президента» А.В. Турчиновым, последующей организации путчистами выборов П.А. Порошенко, территориальном расколе Украины см.: [Нарышкин 2015:5–10].

⁸ Резолюция ГА ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины, принятая 27 марта 2014 г. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.01.2018).

⁹ East Timor (Portugal v. Australia), Judgment. – *I.C.J. Reports*. 1995. § 2.

¹⁰ Консультативное заключение от 22 июля 2010 г. «Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права». Доступ: http://dpp.mpil.de/02_2013/02_2013_121_155.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

¹¹ Резолюция Совета Безопасности ООН № 1244 (1999) по урегулированию ситуации в Косово. Доступ: <https://www.pravda.ru/news/world/18-06-1999/903579-0/> (дата обращения: 15.01.2018).

нем правовая позиция может легко подвести к выводу, что подобные сецессии с точки зрения международного права допустимы, и привести к усилению сепаратистских движений во многих странах [Vylegzhanin, Potier 2017:16]. Высказывается мнение, что именно под влиянием Консультативного заключения западные страны поспешили признать незаконное объявление Косово своей независимости от Сербии [Kohen, del Mar 2011:109, 112; Hartwig 2013:11–28].

Представляется также, что, принимая документ, касающийся европейского региона, судьям Международного суда следовало бы изучить позицию по сходным вопросам, отраженную в принятой в 1995 г. *Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств* и в *Резолюции ПАСЕ № 1334 (2003) о положительном опыте автономных регионов как стимула для разрешения конфликтов в Европе*¹². В последней сделан вывод о том, что право на самоопределение не предусматривает «автоматического права на отделение», а государства – члены Совета Европы призываются воздерживаться от признания или поддержки фактических властей незаконно отделившихся территорий, в том числе тех из них, которые были поддержаны иностранными военными интервенциями.

Не учтен также и подготовленный в 1999 г. доклад Венецианской комиссии «О самоопределении и сецессии в конституционном праве», в котором подчеркнуто, что категория «самоопределение» должна пониматься, прежде всего, как внутреннее самоопределение в пределах существующих границ, а не как внешнее самоопределение отдельных территорий через их сецессию, поскольку отделение противоречит конституционному принципу государственной целостности¹³.

Представляет интерес и выработанный Советом Европы и другими региональными орга-

низациями и органами подход к *референдумам (плебисцитам)*, которые все чаще используются сепаратистскими образованиями в их попытках придать легитимность выделению тех или иных территорий из состава государств. В большинстве принятых в Совете Европы решений закрепляется правило, согласно которому *референдум о сецессии следует оценивать исключительно с позиции государственного права той страны, где он проводится*. Если ее конституция не предусматривает возможности проведения референдума, то его признают не соответствующим конституционным нормам и, следовательно, незаконным как по европейскому, так и по международному праву. Вместе с тем преувеличивать юридическую значимость этой позиции Совета Европы нецелесообразно: ориентиром следует считать положения Устава ООН о принципе самоопределения и именно в этом контексте оценивать значение конкретного референдума. Тем не менее обозначенный Советом Европы сугубо формальный подход к референдумам продемонстрирован в принятом 21 марта 2014 г. Венецианской комиссией *Заключении № 762 о законности проведенного в Крыму референдума*, в котором сделан вывод, что «Конституция Украины, как и конституции других государств – членов Совета Европы, предусматривает целостность страны и не позволяет проводить какой бы то ни было местный референдум об отделении от Украины»¹⁴. Об этом же сказано в Резолюции ГА ООН от 27 марта 2014 г. A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины, в которой Генеральная Ассамблея заявляет о незаконности «крымского референдума» и призывает все государства, международные организации и специализированные учреждения не признавать изменения статусов Автономной Республики Крым и г. Севастополя¹⁵. При этом в Резолюции нет обращения к толкованию принципа самоопределения,

¹² Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1995 г. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/1902948> (дата обращения: 15.01.2018); Positive experiences of autonomous regions as a source of inspiration for conflict resolution in Europe. – *PACE Resolution 1334 (2003)*. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=17120&lang=en> (accessed: 18.01.2018)

¹³ Self-determination and Secession in Constitutional Law. Report adopted by the Commission at its 41th meeting (Venice, 10–11 December 1999). URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF\(2000\)002-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF(2000)002-e) (accessed date: 18.01.2018).

¹⁴ Opinion on “whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea’s 19 92 constitution is compatible with constitutional principles” adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21–22 March 2014). URL: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e> (accessed date: 10.04.2018).

¹⁵ Резолюция ГА ООН A/RES/68/262 о территориальной целостности Украины, принятая 27 марта 2014 г. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/455/19/PDF/N1345519.pdf?OpenElement> (дата обращения: 18.01.2018).

закрепленного в Уставе ООН. Оставлен без внимания факт нахождения Крыма в составе России в течение веков. Игнорируется то обстоятельство, что Президент РФ Б.Н. Ельцин согласился с вхождением Крыма в состав нового государства, образовавшегося в 1991 г., – в Украину – без волеизъявления народа Крыма¹⁶. Не учтен в Резолюции и характер принципа самоопределения народов как нормы не только договорной, но и обычной, причем, как уже отмечалось учеными, действие такой обычной нормы может «постепенно расширяться», а «именно таким путем обычные нормы международного права становятся общепризнанными» [Вылегжанин, Калам-карян 2012:5–29].

Отраженные в решениях как универсальных, так и региональных судебных и несудебных органов противоречия в трактовке принципов права народов на самоопределение и территориальной целостности государств, определении субъектов этих прав, избирательность при принятии решений, политизированность позиций в отношении приоритета того или иного принципа порождают непоследовательность в оценках мировым сообществом легитимности претензий на независимость одних «народов» (например, жителей Косово) и мнимой необоснованности таких претензий со стороны других (скажем, населения Абхазии).

Противоречивыми оценками реализации этих принципов наполнены и труды как отечественных [Орлов 2008:121–123; Буханова 2011:24–31]¹⁷, так и западных исследователей [Carley 2004; Castellino 2000; Leslie 1999]¹⁸. Одни исходят из того, что движения, обозначающие цель самоопределения как отделение, подрывают потенциал демократического развития государств и являют собой «деструктивную силу». Они делают акцент на «внутреннем самоопределении», т.е. на строительстве демократических институтов и создании механизмов группового представительства (федерализма, автономии и т.д.). Другие, напротив, полностью игнорируют то обстоятельство, что право народов на самоопределение утверждалось в международном праве как «антиколониальное средство». Они идеали-

зируют данный принцип, придают ему универсальный характер, оправдывая любые средства его реализации.

В условиях, когда сепаратизм, действующий под лозунгом права народов на самоопределение, превратился в реальную угрозу как для развитых (Канады, Испании, Великобритании), так и для развивающихся стран (Индии, Пакистана, Ирака, многих африканских государств), правомерно ставить вопрос о более активном включении ООН в лице уполномоченных ее Уставом органов в правовое регулирование процессов, связанных с угрозой территориальной целостности государств. Но их работа не будет успешной без опоры на адаптированный к современным реалиям международно-правовой инструментарий. В его основу мог бы лечь универсальный международно-правовой акт, основанный на предыдущих соглашениях, прежде всего актуализирующий с позиций XXI в. положения Декларации о принципах международного права. С учетом важности этих принципов как основных источников при принятии решений как судебными, так несудебными органами необходимо устранить содержащиеся в принятых еще в прошлом столетии документах «недоработки», «неясность», «двойственность толкования тех или иных терминов», на которые указывалось еще в мае 1945 г. на Конференции в Сан-Франциско во время подготовки Устава ООН. В частности, о них сообщалось в не принятом предложении Первого комитета ГА ООН о поправке к п. 2 ст. 1 Устава ООН, в которой говорится о принципе «равноправия и самоопределения народов». Необходимо уточнить значение терминов «народ», «равноправие» и «самоопределение» в контексте современного международного права. Представляется, что в непростой, требующей высокого интеллектуального и профессионального потенциала работе в обозначенном направлении необходимо участие Комиссии международного права ООН, прямой обязанностью которой, согласно Уставу ООН, является содействие *прогрессивному развитию и кодификации* международного права.

¹⁶ См. об этом: [Нарышкин 2017:9–10].

¹⁷ См. также: Кочарян В. Право на самоопределение в современном международном праве. Доступ: <http://www.regnum.ru/news/1240480.html#ixzz2CICb119k> (дата обращения: 10.04.2018).

¹⁸ См. также: Cooper J. Territorial Integrity Can't Trump the Basic Human Right to Self-determination. – *The Tiraspol Times*. April 7, 2008. P. 78–91.

Список литературы

1. Броунли Я. 1977. *Международное право*. В 2 кн. Кн. 1. М.: Прогресс. 535 с.
2. Буханова А.С. 2011. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения. – *Право и управление: XXI век*. № 4(21). С. 24–31.
3. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2012. Значение международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2 (86). С. 5–29.
4. Вылегжанин А.Н., Потье Т. 2017. Представление профессором Шоу международного права: теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 7–18. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-7-18
5. Гроций Г. 1994. *О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права*. М.: Ладомир. 868 с.
6. Игнатенко Г.В. 1966. *От колониального режима к национальной государственности*. М. 157 с.
7. Курдюков Г.И. 2008. Признание и непризнание в практике ООН. – *Вестник экономики, права и социологии*. № 5. С. 64–70.
8. Нарышкин С.Е. 2015. Ответы Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С.Е. Нарышкина на вопросы главного редактора Московского журнала международного права. – *Московский журнал международного права*. №1 (97). С. 5–10.
9. Орлов А.С. 2008. Право народов на самоопределение как фактор разрешения международных территориальных споров. – *Права человека и их защита в условиях глобализации обновляющегося многополярного мира: международно-правовой и внутригосударственный аспекты: Материалы III Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 60-летию со дня принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г.* Казань. С. 121–123.
10. Abbé de Saint-Pierre. 1787. *Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe (1713)*. Paris: Fayard. 720 p.
11. Carley P. 2004. *Self-determination Sovereignty, Territorial Integrity, and the Right to Secession*. Washington DC: United States Institute of Peace Press. 21 p.
12. Castellino J. 2000. *International Law and Self-determination: The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-colonial "National"*. The Hague: Martinus Nijhoff. 286 p.
13. Hartwig M. 2013. Das Gutachten des Internationalen Gerichtshofs zur Unabhängigkeitserklärung des Kosovo: Vorgeschichte und "Urteils" kritik. – *Osteuropa-Recht*. No. 4. S. 11–28.
14. Kohen M., Mar K. del. 2011. The Kosovo Advisory Opinion and UNSCR 1244 (1999): A Declaration of 'Independence from International Law'? – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 24. P. 109–126. DOI:10.1017/S0922156510000634
15. Leslie P. 1999. Canada: The Supreme Court Sets Rules for the Secession of Quebec. – *Publius: The Journal of Federalism*. Vol. 29. No. 2. P. 114–143.

References

1. Abbé de Saint-Pierre. *Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe (1713)*. Paris: Fayard. 1787. 720 p.
2. Brownlie I. *Mezhdunarodnoe pravo*. V 2 kn. Kn. 1 [International Law. In 2 books. Book 1]. Moscow: Progress Publ. 1977. 535 p. (In Russ.)
3. Bukhanova A.S. Kolliziya printsipov samoopredeleniya narodov, territorial'noi tselostnosti gosudarstv i vozmozhnye puti ee resheniya [Collision of Principles of Self-determination of Peoples and Territorial Integrity of States and Feasible Ways of its Resolution]. – *Pravo i upravlenie: XXI vek*. 2011. No. 4(21). P. 24–31. (In Russ.)
4. Carley P. *Self-determination Sovereignty, Territorial Integrity, and the Right to Secession*. Washington DC: United States Institute of Peace Press. 2004. 21 p.
5. Castellino J. *International Law and Self-determination: The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-colonial "National"*. The Hague: Martinus Nijhoff. 2000. 286 p.
6. Grotius H. *O prave voyny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob"yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava* [The Rights of War and Peace]. Moscow: Lodomir Publ. 1994. 868 p. (In Russ.)
7. Hartwig M. Das Gutachten des Internationalen Gerichtshofs zur Unabhängigkeitserklärung des Kosovo: Vorgeschichte und "Urteils" kritik. – *Osteuropa-Recht*. 2013. No. 4. P. 11–28.
8. Ignatenko G.V. *Ot kolonial'nogo rezhima k natsional'noi gosudarstvennosti* [From Colonial Regime to Real Statehood]. Moscow. 1966. 157 p. (In Russ.)
9. Kohen M., Mar K. del. The Kosovo Advisory Opinion and UNSCR 1244 (1999): A Declaration of 'Independence from International Law'? – *Leiden Journal of International Law*. 2011. Vol. 24. P. 109–126. DOI:10.1017/S0922156510000634
10. Kurdyukov G.I. Priznanie i nepriznanie v praktike OON [Recognition and Non-recognition in the Practice of the UN]. – *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2008. No. 5. P. 64–70. (In Russ.)
11. Leslie P. Canada: The Supreme Court Sets Rules for the Secession of Quebec. – *Publius: The Journal of Federalism*. 1999. Vol. 29. No. 2. P. 114–143.
12. Naryshkin S.E. Otveti Predsedatelya Gosudarstvennoi Dumi Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii S.E. Naryshkina na voprosy glavnogo redaktora Moskovskogo zhurnala mezhdunarodnogo prava [Answers of the Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation S.E. Naryshkin to the Questions of the Editor-in-chief of the Moscow Journal of International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2015. No. 1 (97). P. 5–10. (In Russ.)
13. Orlov A.S. Pravo narodov na samoopredelenie kak faktor razresheniya mezhdunarodnykh territorial'nykh sporov [The Right of Peoples to Self-determination as a Factor in the Resolution of International Territorial Disputes]. – *Prava cheloveka i ikh zashchita v usloviyakh globalizatsii obnovyayushchegosya mnogopolyarnogo mira: mezhdunarodno-pravovoi i vnutrigosudarstvennyi aspekty: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i aspirantov, posvyashchennoi 60-letiyu so dnya prinyatiya Vseobshchei deklaratsii prav cheloveka 1948 g.* [Human Rights and their Protection in the Context of the Globalization of

- a Renewing Multipolar World: international legal and domestic aspects: proceedings of the III International Scientific and Practical Conference of Students and Postgraduates, dedicated to the 60th anniversary of the adoption of the Universal Declaration of Human Rights, 1948]. Kazan'. 2008. P. 121–123. (In Russ.)
14. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychaya v sovremennom mezhdun-

- arodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 2(86). P. 5–29. (In Russ.)
15. Vylegzhanin A.N., Potier T. Shaw's Interpretation of International Law: Theoretical Reflections. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 7–18. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-4-7-18.

Информация об авторе

Татьяна Дмитриевна Матвеева,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

119571, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 84-6

academia20082008@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0809-5214

About the Author

Tatiana D. Matveeva,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief of International Law Department, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

84-6, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571

academia20082008@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0809-5214